

Марк Аврелий Отрывки из дневников.

Размышления.

С утра говорить себе наперед: встречусь с суетным, с неблагодарным, дерзким, с хитрецом, с алчным, необщественным. Все это произошло с ними по неведению добра и зла. А я усмотрел в природе добра, что оно прекрасно, а в природе зла, что оно постыдно, а еще в природе погрешающего, что он родственен мне – не по крови и семени, а причастностью к разуму и божественному наделу. И что ни от кого из них не могу я потерпеть вреда, ведь в постыдное никто меня не ввергает, а на родственного не могу же сердиться или держаться в стороне от него, раз мы родились для общего дела, как ноги и руки, как ресницы, как верхний ряд зубов и ряд нижний.

Так вот: противодействовать другому противно природе, а негодовать и отвращаться – это противодействие. Что бы я ни был такое – все это плоть, дыханье и ведущее.

Брось книги, не дергайся – не дано. Нет, как если б ты уже умирают, пренебреги плотью; она грязь, кости, кровянистая ткань, сплетение жил, вен, протоков. Посмотри и на дыханье: что оно такое? дуновение, да и не постоянное, а то изрыгающее, то заглатываемое вновь. Ну а третье – ведущее. Так сообрази вот что: ты уже стар, не позволяй ему и дальше рабствовать и дальше дергаться в необщественных устремлениях, а перед судьбой и дальше томиться настоящим или погружаться в грядущее. Что от богов – полно промысла; что от случая – тоже не против природы или увязано и сплетено с тем, чем управляет промысл.

Все течет – оттуда: и тут же неизбежность и польза того мирового целого, которого ты часть. А всякой части природы хорошо то, что приносит природа целого и что ту сохраняет. Сохраняют же мир превращения, будь то первостихий или же их соединений. Прими это за основоположения и довольно с тебя. А жажду книжную брось и умри не ропща, а кротко, подлинно и сердечно благодарный богам. Помни, с каких пор ты откладываешь это и сколько уже раз, получив от богов отсрочку, ты не воспользовался ею. А пора уж тебе понять, какого мира ты часть и какого мироправителя истечение, и очерчен у тебя предел времени; потратишь его, чтобы так и не просветлиться душой – оно уйдет, ты уйдешь и уж не придется больше.

С мужеской, с римской твердостью помышляй всякий час, чтобы делать то, что в руках у тебя, с надежной и ненарочитой значительностью, приветливо, благородно, справедливо, доставив себе досуг от всех прочих представлений. А доставишь, если станешь делать всякое дело будто последнее в жизни удалившись от всего случайного и не отвращаясь под влиянием страсти от решавшего разума, вдали от притворства, себялюбия, неприятия сопутствующих решений судьбы. Видишь, сколь немногим овладев, можно повести благотекущую и богоподобную жизнь – ведь и боги ничего больше не потребуют от того, кто это соблюдает.

Глумись, глумись над собой, душа, только знай, у тебя уж не будет случая почтить себя, потому что у каждого жизнь – и все. Та, что у тебя, – почти уже пройдена, а ты не совестилась перед собою и в душе других отыскивала благую свою участь.

Дергает тебя что-нибудь вторгающееся извне? – Ну так дай себе досуг на то, чтобы узнать вновь что-нибудь хорошее, брось юloy вертеться. Правда же, остегаться надо и другого оборота: ведь глупец и тот, кто деянием заполнил жизнь до изнеможения, а цели-то, куда направить все устремление, да разом и представление, не имеет.

Не скоро приметишь злосчастного от невнимания к тому, что происходит в душе другого; а те, кто не осознает движений собственной души, на злосчастие обречены. О том всегда помнить, какова природа целого и какова моя, и как эта относится к той, и какой частью какого целого является, а еще что никого нет, кто воспрещают бы и делать, и говорить всегда сообразно природе, частью которой являешься.

Сравнивая погрешения, феофраст хоть и делает это сравнение по обыденному, однако по-философски утверждает, что проступки, допущенные из вожделения, тяжелее тех, что от гнева. Разве не явственно, что разгневанный отвращается

от разума с некой печалью, втайне сжимаясь; тот же, кто погрешает из вожделения, сдавшись наслаждению, представляется как бы более распущенным и вместе расслабленным в своих погрешениях. Так что правильно и достойно философии он утверждал, что погрешения, совершенные в наслаждениях, заслуживают более тяжкого обвинения, чем когда с печалью. И вообще, один похож скорее на потерпевшего обиду и понуждаемого к гневу печалью; другой же прямо с места устремляется к несправедливости, вожделением увлекаемый к деянию. Поступать во всем, говорить и думать, как человек, готовый уже уйти из жизни.

Уйти от людей не страшно, если есть боги, потому что во зло они тебя не ввергнут. Если же их нет или у них забыты о человеческих делах, то что мне и жить в мире, где нет божества, где промысла нет? Но они есть, они заботятся о человеческих делах и так все положили, чтобы всецело зависело от человека, попадет ли он в настоящую-то беду, а если есть и другие еще беды, так они предусмотрели и то, чтобы в каждом случае была возможность не попадать в них.

А что не делает человека хуже, может ли делать хуже жизнь человека? Что ж, по неведению ли, или зная, да не уме оберечься наперед или исправиться после, допустила бы это природа целого? Неужто по немощи или нерасторопности она так промахнулась, что добро и худо случаются равно и вперемешку как с хорошими людьми, так и с дурными? Ну а смерть и рождение, слава, безвестность, боль, наслаждение, богатство и бедность – все это случается равно с людьми хорошими и дурными, не являясь ни прекрасным, ни постыдным. А следовательно, не добро это и не зло.

Как быстро все исчезает, из мира – само телесное, из вечности память о нем; и каково все чувственное, в особенности то, что приманивает наслаждением или пугает болью, о чем в ослеплении кричит толпа. Как это убого и презренно, смутно и тленно, мертвко! Разумной силе – усмотреть, что такое они, чьи признания и голоса внесут славу? И что такое умереть? И как, если рассмотреть это само по себе и разбить делением мысли то, что сопредставляемо с нею, разум не признает в смерти ничего кроме дела природы. Если же кто боится дела природы, он – ребенок. А тут не только дело природы, но еще и полезное ей. Как прикасается человек к богу и какой своей частью, и в каком тогда состоянии эта доля человека. Нет ничего более жалкого, чем тот, кто все обойдет по кругу, кто обыщет, по слову поэта, «все под землею» и обследует с пристрастием души близких, не понимая, что довольно ему быть при внутреннем своем гении и ему служить искренно. А служить – значит блюсти его чистым от страстей, от произвола, от негодования на что-либо, исходящее от богов или людей. Ибо то, что от богов, своим превосходством вселяет трепет, а что от людей по-родственному мило. Ведь иной раз и жалко их за неведение того, что добро и что зло. Ибо этот недуг ничуть не лучше того, из-за которого лишаются способности различать черное и белое. Да живи ты хоть три тысячи лет, хоть тридцать тысяч, только помни, что человек никакой другой жизни не теряет, кроме той, которой жив; и живет лишь той, которую теряет. Вот и выходит одно на одно длиннейшее и кратчайшее. Ведь настоящее у всех равно, хотя и не равно то, что утрачивается; так оказывается каким-то мгновением то, что мы теряем, а прошлое и будущее терять нельзя, потому что нельзя ни у кого отнять то, чего у него нет. Поэтому помни две вещи. Первое, что все от века единообразно и вращается по кругу, и безразлично, наблюдают ли одно и то же сто лет, двести или бесконечно долго. А другое, что и долговечнейший и тот, кому рано умирать, теряет ровно столько же. Ибо настоящее – единственное, чего они могут лишиться, раз это и только это, имеют, а чего не имеешь, то нельзя потерять.

Что все – признание. Верно, конечно, то, что отвечали на это кинику Мониму, но верно и то, что изречение это пригодно, если принять его силу в пределах истины.

Душа человека глумится над собой более всего, когда он начинает, насколько это в его силах, отрываться и как бы нарывать на мировом теле, потому что негодовать на что-либо значит отрываться от природы, которой крепко держится природа всякой другой части. Глумится также, когда отвращается от кого-нибудь или еще кидается во вражду, как бывает с душой разгневанных. В-третьих, глумится, когда сдается наслаждению или боли. В-четвертых, когда делает или говорит что-нибудь притворно и лживо. В-пятых, когда отправит бессвязно, между тем как надо, чтобы и самая малость сообразовалась с

Марк Аврелий Отрывки из дневников filosoff.org
некоторым назначением. А назначение существ разумных – следовать разуму и установлениям старейшего града и его государственности.

Срок человеческой жизни – точка; естество – текуче; ощущения – темны, соединение целого тела – тленно; душа – юла, судьба – непостижима, слава – непредсказуема. Сказать короче: река все телесное, слепота и сон – все душевное; жизнь – война и пребывание на чужбине, а память после – забвение. Тогда что способно сопутствовать нам? Одно и единственное – философия. Она в том, чтобы беречь от глумления и от терзаний поселенного внутри гения – того, что сильнее наслаждения и боли, ничего не делает произвольно или лживо и притворно, не нуждается в том, чтобы другой сделал что-нибудь или не сделал; и который приемлет, что случается или уделено, ибо оно идет откуда-то, откуда он сам: который, наконец, ожидает смерти в кротости разумения, видя в ней не что иное, как распад первостихий, из которых составляется всякое живое существо. Ведь если для самих первостихий ничего страшного в том, чтобы вечно превращаться во что-то другое, для чего тогда нам коситься на превращение и распад всего? Оно же по природе, а что по природе – не зло.

Гиппократ, излечивший много болезней, заболел и умер. Халдеи многим предрекли смерть, а потом их самих взял рок. Александр, Помпей, Гай Цезарь, столько раз до основания изничтожавшие города, сразившие в бою десятки тысяч конных и пеших, потом и сами ушли из жизни. Гераклит, столько учивший об испламении мира, сам наполнился водой и, обложенный навозом, умер. Демокрита погубили вши, Сократа – другие вши. Так что же? – сел, поплыл, приехал, вылезай. Если для иной жизни, то и там не без богов, а если в бесчувствии, то перестанешь выдерживать наслаждение и боль и услужение сосуду, который тем хуже, что сам он в услужении, ибо одно – разум и гений, другое – земля и грязь. Не заблуждайся доле; не будешь ты читать своих заметок, деяний древних римлян и эллинов, выпуск из писателей, которые ты откладывал себе на старость. Поспешай-ка лучше к своему назначению и, оставив пустые надежды, самому себе если есть тебе дело до самого себя – помогай, как можешь. Они же не знают, сколь различное значит «воровать», «сеять», «прицениваться», «не беспокоиться», «смотреть, что делаешь», что делается не глазами, а неким иным зрением. Тело, душа, ум. Телу – ощущения, душе – устремления, уму – основоположения. Впитывать представления – это и скотское, дергаться устремлениями, – и звериное, и двуполое, и фаларидово и Нероново. Руководствоваться умом, когда нечто представилось как надлежащее, – это и для тех, кто в богов не верует, бросает родину или берется действовать, разве что заперев двери. Так вот если остальное – общее с теми, кто назван выше, то свойством собственно достойного человека остается любить и принимать судьбу и то, что ему отмерено, а гения, поселившегося у него внутри, не морить и не оглушать надоедливыми представлениями, а беречь его милостивым, мирно следующим богу, ничего не произносящим против правды и не делающим против справедливости. И если даже не верят ему все люди, что он живет просто, почтительно и благоспокойно, он ни накого из них не досадует и не сворачивает с дороги, ведущей к назначению его жизни, куда надо прийти чистым, спокойным, легким, приладившимся неприневоленно к своей судьбе.

Главенствующее внутри оно в сообразии с природой, поворачивается к происходящему так, что ему всегда легко перестроиться на то, что возможно и дается ему. Не склонно оно к какому-нибудь определенному веществу, и устремляясь к тому, что само же себе с оговоркой поставило, само себе делает вещество из того, что выводят ему навстречу, – так огонь одолевает то, что в него подбрасывают; малый светильник от этого угас бы, а яркий огонь скоро усвояет себе то, что ему подносят, берет себе на потребу и отсюда-то набирает силу. Не делай ничего наугад, а только по правилам искусства. Что не делает человека хуже самого себя, то и жизнь его не делает хуже и не вредит ему ни внешне, ни внутренне. Природа того, что приносит пользу, вынуждена делать это.

Что происходит, по справедливости происходит: проследи тщательно – увидишь. Я не о сообразности только говорю, а именно о справедливости, как если бы некто воздавал всякому по достоинству. Так следи же за этим, как уже начал, что бы ни делал, делай так, как достойный человек, в том смысле, в каком и мыслится достоинство. Сохраняй это в любой деятельности. Не то признавай, как судит твой обидчик или как он хочет, чтобы ты сам судил, а смотри, как оно наделе.

Две готовности надо всегда иметь. Одна: делать только то, что поручает тебе
Страница 3

Марк Аврелий Отрывки из дневников filosoff.org

смысл власти и закона на пользу людей. И еще: перестраиваться, если явится кто-нибудь, чтобы поправить или переубедить в каком-нибудь мнении. Только чтобы переубеждение шло от некой достоверности, будь то справедливость или общая польза или что-нибудь такое, а не от того, что поманила сладость или там слава. Разум есть у тебя? Есть. Зачем же без него обходишься? Или чего еще желаешь, когда он делает свое дело? Как часть в целом ты возник и в породившем тебя исчезнешь. Вернее, превратившись, будешь принят в его осеменяющий разум. Много комочеков ладана на одном алтаре. Один раньше упал, другой позже – вполне безразлично. Десяти дней не пройдет, и ты богом покажешься тем, для кого ты сейчас зверь и обезьяна, – сверни только к основоположениям и к почитанию разума.

Жить не рассчитывая на тысячи лет. Нависает неизбежность. Покуда жив, покуда можно – стань хорош. Сколько досуга выгадывает тот, кто смотрит не на то, что сказал, сделал или подумал близкий, а единственno на то, что сам же делает, чтобы оно было справедливо и праведно и в достойном человеке не высматривает он темноту нрава, а спешит прямо и без оглядки своим путем. Кого слава у потомков волнует, тот не представляет себе, что всякий, кто его поминает, и сам-то очень скоро умрет, а следом тот, кто его сменит, и так пока не погаснет, в волнующихся и угасающих всякая память о нем. Ну предположим, бессмертны были бы воспоминающие и память бессмертна – тебе что с того? Не говорю уж мертвому – что проку тебе живому от похвал? Или другой у тебя расчет? Ибо некстати ты пренебрегаешь тем, что сейчас дарует природа, которая получает у тебя некий иной смысл. Если ввек пребывают души, как вмещает их воздух? – А как земля вмещает тела всех погребенных от века? Подобно тому как тут превращение и распад дают место другим мертвым для некоего продленного пребывания, так и перешедшие в воздух души, некоторое время сохраняясь, превращаются, изливаются и воспламеняются, воспринимаемые в осеменяющий разум целого, и дают таким образом место вновь подселяемым. Вот что можно отвечать относительно предположения, что души пребывают. Достаточно представить себе не только множество погребаемых тел, но и бесчисленных животных, изо дня в день поедаемых нами и другими животными сколько их истребляется и некоторым образом погребено в телах поедающих, и все же благодаря переходу в кровь и преобразованиям в воздушное и огненное, то же место приемлет их. Что значит здесь расследование истины? Разделение на вещественность и причинность. Не сбиваться: во всяком устремлении являть справедливость, во всяком представлении – беречь способность постигать.

Все мне пригодно, мир, что угодно тебе ничто мне не рано и не поздно, что вовремя тебе, все мне плод, что приносят твои, природа, сроки. Все от тебя, все в тебе, все к тебе. Сказал поэт «Милый Кекропов град», ты ли не скажешь: «О, милый Зевесаград»? «Мало твори, коль благоспокойства желаешь». А не лучше ли необходимое делать – столько, сколько решит разум общественного по природе существа и так, как он решит? Потому как тут и будет благоспокойствие не от прекрасного только, но еще и малого делания. Ведь в большей части того, что мы говорим и делаем, необходимости нет, так что если отрезать все это, станешь многое свободнее и невозмутимее. Вот отчего надо напоминать себе всякий раз: «Даточно ли это необходимо?» И не только действия надо урезать, когда они не необходимы, но и представления – тогда не последуют за ними и действия сопутствующие. Испробуй, не подойдет ли тебе также и жизнь достойного человека, довольно тем, что он получает в удел от целого, довольствуяющегося справедливостью своего деяния и благожелательностью своего душевного склада. Видел то? ну а теперь это. Не смущай ты себя – будь проще. Кто-то дурно себя повел? – Ему же дурной. Что-то хорошее тебе случилось? – Изначально определено и увязано было мировым целым все, что с тобой случается. Вообще: жизнь коротка, так поживись настоящим с благоразумием и справедливостью. Трезво веселись. Либо стройный миропорядок, либо груда, мешанина, и все-таки миропорядок. Может ли это быть, что в тебе есть некий порядок, а в мировом целом одна беспорядочность? И это при том, что все так и разлито, и различено и единострасильно? Темный нрав, женский нрав, жесткий, звериное, скотское, ребячливое, дурашливое, показное, шутовское, торгашеское, тиранское. Умрешь вот, так и не сделавшись ни цельным, ни безмятежным, ни чуждым подозрений, будто может прийти к тебе вред извне; так и не сделавшись ко всем мягок, не положив себе, что разум единственno в том, чтобы поступать справедливо. Разгляди их ведущее, хотя бы и разумных, – зачем гонятся, чего избегают. В чужом ведущем твоей беды нет, как нет ее, конечно, и в том или ином развороте или изменении внешнего. Но где же? Там, где происходит признание беды. Так вот: пусть не идет оттуда признание, и все у тебя хорошо. И если даже это твое тело режут и жгут, если оно гноится, гниет, пусть та доля,

которая ведает признанием этого, будет покойна, то есть пусть так рассудит, что это ни добро, ни беда, раз может такое случиться и с хорошим человеком, и с дурным. Ибо что равно случается и с тем, кто живет по природе, то уже ни по природе, ни против природы. Как о едином существе помышлять всегда о мире, о едином по естеству и с единой душой, и о том, как все, что ни есть в нем, передается в единое чувствование, и как оно единственным устремлением делает все разом, и как все сопричинно тому, что становится, и как здесь все увязано и сметано. Ты душонка, на себе труп таскающая, говорил Эпиктет. Нет беды тому, что в превращение ввергается, равно как и блага тому, что из превращения рождается.

Вечность – как бы река из становлений, их властный поток. Только показалось что-то и уж пронеслось; струя это подносит, а то унесла. Что ни случается привычно, знакомо, как роза по весне или плоды летом. Таковы и болезнь, и смерть, клевета, коварство и сколько еще такого, что радует или огорчает глупцов. Вновь наступающее всегда расположено следовать за предшествующим. Это ведь не перечисление какое-то отрывочное и всего лишь принудительное, а осмысленное соприкосновение. И подобно тому, как ладно расставлено все сущее, так и становящееся является не простую последовательность, а некую восхитительную расположеннность.

Всегда помнить гераклитово: смерть земли стать водою, смерть воды стать воздухом, воздуха – огнем, и обратно. Вспоминать и о том, кто забывает, как ведет эта дорога. А еще, что люди особенно ссорятся с тем, с кем более всего имеют общение, с разумом, который управляет целым; и с чем они каждый день встречаются, то кажется им особенно странным. И что не надо действовать и говорить как во сне – ведь нам и тогда кажется, будто мы действуем и говорим. И что не надо этого: «дети своих родителей», а попросту сказать: «Живем, как повелось». Вот сказал бы тебе кто-нибудь из богов, что завтра умрешь или уж точно послезавтра – не стал бы ты ломать голову, чтобы умереть именно послезавтра, а не завтра, если ты, конечно, не малодушен до крайности. В самом деле, велик ли промежуток? Точно так же через много лет или завтра – не думай, что велика разница. Как дыхание соединяет тебя с окружающим воздухом, так пусть разумение соединяет с окружающим все разумным, потому что разумная сила разлита повсюду и доступна тому, кто способен глотнуть ее, не менее, чем воздушное доступно тому, кто способен дышать.

Порок вообще миру никак не вредит, а в частности никак другому не вредит, и вреден только тому, кому вверено и удалиться от него, чуть только он этого пожелает. Для моей воли воля ближнего столь же безразлична, как тело его и дыханье. Ибо хотя мы явились на свет прежде всего друг ради друга, однако ведущее каждого само за себя в ответе. Иначе порок ближнего был бы злом для меня, а не угодно было богу, чтобы я мог быть несчастлив от кого-либо, кроме себя самого.

Солнце, кажется, излилось и прямо залило все, а все-таки не вылилось. Ибо излияние это есть напряжение. Вот сияние его и называется лучи – то, что послано напряженным луком. А что за вещь луч, ты можешь увидеть, если рассмотришь, как солнечный свет проникает сквозь узкую щель в затененный дом: вообще он держится прямо и как бы разделяется у встреченного им плотного, отгородившего находящийся далее воздух; здесь луч останавливается, но не поскольку засянет, не упадет. Точно так должно литься и изливаться разумение, не проливаясь, а в напряжении; не обрушиваться насильственно и резко на всякое препятствие и не упадать, а стоять, освещая то, что его принимает. Ведь само же себя лишит сияния то, что не станет пересыпать его. Кто боится смерти, либо бесчувствия боится, либо иных чувствований. Между тем, если не чувствовать, то и беды не почувствуешь; если же обретешь иное чувство, то будешь иное существо и не прекратится твоя жизнь.

Люди рождены друг для друга. Значит переучивай – или переноси.

По-разному летят мысль и стрела; мысль, даже когда она осторожна или изворачивается, рассматривая что-либо, несется тем не менее прямо и к своему предмету.

Безумен, кто ищет смокву зимой. Кто ищет свое дитя, когда больше не дано, таков же. Ребенка и своего ласкаешь, надо, говорил Эпиктет, произносить про себя: Умрет, может быть, завтра. – Так ведь дурной знак! А он: Ничуть не дурной, раз обозначает одно из дел природы. Или когда злак пожинают,

Марк Аврелий Отрывки из дневников filosoff.org
тоже знак дурной? Виноградная завязь, гроздь, изюмины – все превращения, и
не в небытие, а в не-ныне-бытие.

Вольную волю не приневолит никто. Так говорил Эпиктет. Он говорил, что нашел искусство соглашаться и применительно к устремлениям сберегать осмотрительность, чтобы не безоговорочно, чтобы общественно, чтобы по достоинству; от желаний совсем воздерживаться, а к уклонению не прибегать ни в чем из того, что не от нас зависит. Так ведь не за что-то там боремся говорил он – а за то, сходить с ума или нет.

Сократ говорил: Хотите ли, чтобы в вас была душа разумных или неразумных? – Разумных. А каких разумных, здоровых или негодных? – Здоровых. Что же вы этого не ищете? – Обладаем. – Откуда же тогда ваш раздор и небезразличие?

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!